

Научная статья

УДК 948

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-18-31>

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЖЕНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СССР В 1950-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА»)

**Александр Владимирович
Жидченко**

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, zhidchenko220689@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Аннотация. Статья посвящена реконструкции идеальной модели женской городской повседневности в Советском Союзе в 1950-е гг. на материалах статей и заметок журнала «Советская женщина», одного из ведущих общесоюзных периодических изданий женской тематики. Актуальность исследования темы задают рамки современных трансформаций в сфере представлений о материнстве и детстве, тенденций глобализации и цифровизации, отвергающих традиционные модели семейно-брачных отношений и бытовых гендерных ролей. Предлагаемое междисциплинарное исследование находится на стыке женской истории, истории повседневности и городской антропологии. В качестве основного источника выступают материалы периодической печати; был проведен фронтальный просмотр всех номеров журнала «Советская женщина» за период с 1951 по 1960 гг. на предмет анализа статей и заметок, посвященных изменениям в городском социокультурном пространстве, а также женской повседневности и быту в данный период. Среди основных выводов – идеологическая риторика и конкретные публикации и репортажи свидетельствовали о нивелировании роли домохозяйки и повышении ответственности рабочей и производственной роли советской женщины. В конкретных публикациях муж и дети становились помощниками, но не полноправными хозяевами бытовой сферы дома. Их обязательное участие в домашних делах – залог освобождения времени женщины для собственных дел и поддержание доброжелательного климата в семье. В случаях, если женщине приходилось одной (без мужа) воспитывать детей, обязанности помощника ей в хозяйстве и воспитании (в идеальной модели) брал на себя коллектив. Социокультурная динамика развития советского города (создание сферы обслуживания, инфраструктуры соцкультбыта) способствовала освобождению советской женщины от оков домашних обязанностей, с целью увлечения времени для профессионального роста, саморазвития, общественно значимой деятельности и досуга.

Ключевые слова: повседневность, женская история, городская антропология, советский город, периодическая печать.

Благодарности: Исследование поддержано грантом РНФ N 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века».

Для цитирования: Жидченко А. В. Идеальная модель женской городской повседневности в СССР в 1950-е гг. (по материалам журнала «Советская женщина») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 18–31. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-18-31>

Сведения об авторе: А. В. Жидченко – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32А.

© Жидченко А. В., 2024

Scientific Article

UDC 948

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-18-31>

**AN IDEAL MODEL OF WOMEN'S URBAN EVERYDAY LIFE
IN THE USSR IN THE 1950s
(BASED ON MATERIALS OF THE MAGAZINE "SOVIET WOMAN")**

Alexander V. Zhidchenko

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, zhidchenko220689@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the ideal model of women's urban everyday life in the Soviet Union in the 1950s. based on articles and notes from the magazine "Soviet Woman," one of the leading all-Union periodicals on women's topics. The relevance of the research topic is set by the framework of modern transformations in the field of ideas about motherhood and childhood, globalization and digitalization trends that reject traditional models of family and marriage relations and everyday gender roles. The proposed interdisciplinary research is at the intersection of women's history, everyday history and urban anthropology. The main source is periodical press materials; A frontal review of all issues of the magazine "Soviet Woman" was carried out for the period from 1951 to 1960. for the purpose of analyzing articles and notes devoted to changes in the urban sociocultural space, as well as women's everyday life and life during this period. Among the main conclusions - ideological rhetoric and specific publications and reports indicated the leveling of the role of the housewife and the increasing responsibility of the working and production role of the Soviet woman. In specific publications, the husband and children became assistants, but not full owners of the domestic sphere of the home. Their obligatory participation in household chores is the key to freeing up a woman's time for her own affairs and maintaining a friendly climate in the family. In cases where a woman had to raise children alone (without a husband), the responsibilities of helping her with housekeeping and education (in the ideal model) were taken on by the collective. The sociocultural dynamics of the development of the Soviet city (the creation of a service sector, social and cultural infrastructure) contributed to the liberation of Soviet women from the shackles of household duties, in order to spend time for professional growth, self-development, socially significant activities and leisure.

Keywords: everyday life, women's history, urban anthropology, Soviet city, periodicals.

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant N 22-28-01428 "Women's history as the basis of Russian social optimism (non-capital urban everyday life of the mid-twentieth century".

For citation: Zhidchenko, AV 2024, 'The Ideal Model of Women's Urban Everyday Life in the USSR in the 1950s. (Based on Materials from the Magazine "Soviet Woman")', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 18–31, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-18-31> (in Russ.)

Information about the Author: Alexander V. Zhidchenko – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky Avenue, Moscow, 119991, Russia.

Введение

Антропологический поворот в современной исторической науке позволил отечественным исследователям по-новому взглянуть на социальные процессы прошлого. Новые подходы к изучению вопросов истории повседневности, женской истории, локального социокультурного пространства и многих других аспектов исторической реконструкции, пополнили теоретико-методологическую базу ученых XXI века. Вместе с тем, расширились и подходы к анализу источников.

К важности исследований истории повседневной жизни в мировой историографии представители французской и немецкой школ приблизились еще в 1960-е гг., подтвердив ее значимость в обобщающих работах в 1980-е гг. [22] Но тема женской повседневной жизни нелегко и долго пробивала себе путь на пространстве мировой и отечественной научной мысли, лишь на рубеже XX и XXI века пройдя институционализацию и став заметным направлением российской науки. Этот факт признания истории женской повседневности иллюстрируют работы Н. Л. Пушкаревой [28], А. В. Большаковой, И. В. Богдашиной [4], А. В. Беловой [1] и др.

На сегодняшний день изучение женской повседневности и женской социальной памяти становится особенно актуальным, поскольку традиционные ценности семьи, брака, рождения детей, продолжения рода, воспитания социально ответственного поколения, становятся размытыми под влиянием глобализации и информатизации. В этом ключе сохранение социального опыта прошлого и его трансляция нынешним и будущим поколениям – важная задача современной исторической науки.

Обращение к советской периодической печати, как источнику по истории повседневности, также не является научным открытием. Многие российские историки обращались к журналам «Работница», «Крестьянка», для анализа различных аспектов рабочего в целом, и женского в частности, быта в СССР. Это работы В. Ю. Смирновой [32], Е. В. Болотовой [3], М. С. Латышевой [21], О. В. Золтнер, Д. С. Горностаевой [16] и др.

Быт, кулинария, мода, производственные практики и многие другие аспекты женской повседневности затрагивались авторами в научных трудах, основным источником которых стали материалы советских журналов для женщин. Но еще больший интерес для нас представляют публикации, в которых на материалах советской периодической печати, проанализированы разные аспекты урбанистики в СССР, вопросы формирования и строительства городов [см. например: 29, 31].

Еще одна особенность анализа женской истории и повседневности по материалам периодики, состоит в том, что в основном опубликованные на сегодняшний день исследования посвящены довоенному периоду (1920 – 1930-е гг.) и лишь малая часть работ касается малоизученного периода истории женской повседневности СССР во второй половине XX века [29].

Восполнить этот пробел в исторической науке призвано предлагаемое исследование, посвященное реконструкции идеальной модели женской городской повседневности в СССР в 1950-е гг. (по материалам журнала «Советская женщина»). Условной рабочей гипотезой становится факт нивелирования на страницах официальной периодической печати особой ответственности женщин за быт (готовку, уборку и другие домашние обязанности). Создание в условиях нового советского города таких условий, которые были призваны освободить женщину от домашних обязанностей для саморазвития, производственной, общественной и творческой деятельности.

Всего были проанализированы выпуски журнала «Советская женщина» за 10 лет – с 1951 по 1960 гг. включительно. За этот период было найдено 67 публикаций (статей и заметок), посвященных городам СССР (как среде женской повседневности)

и 83 публикации, посвященные жилью (как внутреннему пространству женской повседневной жизни). Журнал «Советская женщина» для анализа был выбран не случайно, поскольку он является менее распространенным, чем аналогичный журнал «Работница». К последнему исследователи обращались гораздо чаще с целью изучения гендерных и общественных процессов в СССР.

Особенность советской периодической печати в качестве исторического источника, состоит в особом ярко выраженном идеологизированном характере подаваемой информации. В частности, женщины на страницах советской прессы, – это ученые, депутаты, трактористки и машинистки, награжденные орденами и медалями [14]. Они были призваны сыграть роль кумиров для миллионов советских женщин, своим трудом, фактами биографии, обращениями к труженицам СССР [34]. На деле это были картинные, заретушированные образы, которые подтверждает даже факт интервью с Е. Тихомировой, героиней фильма «Москва слезам не верит», которую попросили заменить рабочую косынку для съемки телепередачи.

Образцовая городская среда женской повседневности

Количественные показатели в объемах нового жилья, школ, больниц, детских садов, – становились ключевыми и ударными моментами в риторике советской пропагандистской машины середины XX в. Например, в строящейся в 1950-е гг. правобережной части города Магнитогорска (центральная часть которого была создана в период довоенной индустриализации) планировалось возвести 285 тыс. кв. метров жилой площади, а также построить десятки школ, детских садов и детских санаториев [26]. Всего по СССР планировалось до конца 1950-х гг. в городах и поселках ввести в эксплуатацию 105 миллионов квадратных метров жилой площади [38].

С идеологической точки зрения ЦК КПСС и Совету Министров СССР было важно показать, что в проектировании новых советских городов участвовали женщины. В 1950-е гг., в связи с либерализацией разных сфер общественной жизни, в том числе архитектурно-строительной профессиональной отрасли, получили известность имена многих новых женщин-архитекторов. Наибольшее число женщин трудилось в специальных институтах над созданием типовых проектов (по которым были застроены такие города, как, например, Салават, Ангарск, Волжский и др.). В конце 1940-х гг. в Москве была организована первая Всесоюзная женская архитектурная выставка. В 1950-е гг. подобные выставки проводили регулярно в залах и коридорах Дома архитектора [13].

В 1957 г. на конкурсе проектов больниц вышли победительницами А. Н. Мушорина и Т. Н. Федосеева. В числе авторов, поделивших две первые премии за проекты жилых домов, была молодой архитектор Р. В. Ельцова. Н. А. Васильева вместе с соавторами представила лучший типовой проект школы. Много премий получили женщины и на конкурсах проектов кинотеатров, санаториев, домов отдыха. Как достижение советских властей, признавалась возможность советских женщин участвовать в планировке и создании городского ландшафта, среды повседневности, разрабатывать конкретные проекты жилых домов и общественных зданий.

Неоспоримость природных дарований женщин оставалась признанной, но именно возможности в СССР реализовать женщинам-архитекторам свой творческий потенциал становилось социальным завоеванием (в отличие от времен «царской России») [11, с. 39]. Во второй половине 1950-х гг. в стране уже было немало женщин, которые занимали должности главных архитекторов городов (например, Инесса Бикчентаева в г. Октябрьский Башкирской АССР [24] или Ирина Рожкова в г. Магнитогорск [5]).

Во второй половине 1950-х гг., в связи с либерализацией общественной жизни в целом, и архитектурно-строительной профессиональной отрасли, в частности, получили известность имена многих новых женщин-архитекторов. В этот период жен-

щины прокладывали дорогу новым методам строительства, занимали ведущее положение в планировке зеленых насаждений, проектировали станции Московского метрополитена. Но наибольшее число женщин трудилось в специальных институтах над созданием типовых проектов. В свойственном женщинам эмоционально-чувственном контексте звучали слова: «...Мы боремся и будем бороться за мир со всей силой людей, умеющих строить, со всей страстью женщин-матерей, умеющих любить и ненавидеть...» [13, с. 40].

В 1957 г. в периодике отмечалось, что советская женщине не всегда хочет тратить время на «кухонную возню» [11]. Ей на помощь были призваны прийти работницы торговли, общественного питания. В частности, в образцовом советском городе продавцы «Гастронома» разносили по домам заказанные накануне продукты, полуфабрикаты (что соответствовало стандартам службы доставки, уже пользующиеся спросом в капиталистических странах в середине XX в.). В столовых любой горожанин мог взять обед на дом. Женщина могла отправить сына за обедом в диетическую столовую, где он мог выбрать «такой обед, чтобы и маме, и папе, и ему самому понравился. Младшим детям добавочное питание брали в молочной кухне при детской консультации» [11].

Новые города в СССР на страницах периодики становились образцовыми. Подчеркивалось, что они создаются руками молодежи. Вот как писала молодая журналистка о построенном в послевоенный период Ангарске: «...Юность скромна, но кокетлива. И дома здесь такие. Юность любит солнце - и все здания как будто окрашены его лучами. Молодость тянется к знаниям, не терпит скуки - и чуть ли не на каждом квартале читаем: «техникум», «библиотека», «филиал института», - а лучшее сооружение города - Дворец культуры...» [36].

К началу 1960-х гг. основной жилой единицей городского пространства становится микрорайон, который был призван отвечать потребностям повседневной жизни советского человека, советской женщины. Это был новый принцип советского градостроительства. «...Где бы, в каком бы городе ни поселился человек, ему должно быть удобно и хорошо. Надо, чтобы недалеко от дома находились детский сад и школа, магазины и зеленый парк, библиотека и кинематограф, спортивная площадка и клуб. Тогда не надо будет часто ездить в центр, не придется в троллейбусе возить ребенка в детский сад, не нужно будет отправляться куда-то далеко, чтобы сшить новое платье...» [17]. По замыслу советских архитекторов, микрорайон - это культура, комфорт, торговля, общественные столовые, прачечные, домовые кухни, озелененный двор, гаражи для индивидуальных машин. Размер микрорайона по площади определялся территорией от тридцати до пятидесяти гектаров и численностью населения от пяти до десяти-пятнадцати тысяч человек [17, с. 27].

Главный эксперт Государственного комитета по строительству СССР А. А. Юнина и научная сотрудница Института градостроительства И. Я. Канторович на заседании «Клуба интересных встреч», в ответ на письмо американских рабочих о жилье для бедной части населения СССР, разворачивали один за другим проекты микрорайонов, рассказывая о новых принципах расселения. В новых микрорайонах были предусмотрены домовые кухни (для тех, кто захочет брать обеды на дом), прачечные и другие учреждения соцкультбыта.

Преимущества от строительства микрорайонов были предназначены на страницах «Советской женщины» не столько для женщин, сколько для матерей. Поскольку даже школы и детские сады строились так, чтобы мамам с малышами и детям постарше (которые самостоятельно добирались домой) не приходилось пересекать оживленные улицы. В каждом микрорайоне в шаговой доступности проектировалась молочная кухня для младенцев, детская читальня. При этом, соблюдался социально-гендерный баланс: внутренние дворы были лишены заезда авто-

машин и гаражей. Вместо них предусматривались площади для скверов, фонтанов и вишневых садов [17, с. 27].

Вопросы снабжения как главный объект официальной риторики

В начале 1950-х гг., когда страна оправилась после Великой Отечественной войны, появилась необходимость не только на уровне официальной риторики, но и в реальной жизни, удовлетворения потребностей советского народа: в жилье, в продуктах питания, в товарах первой необходимости. Для иллюстрации масштабов государственных программ, периодическая печать как рупор советской пропаганды все чаще оперировала теми же количественными показателями [38].

Много внимания в периодической печати уделялось созданию социальной инфраструктуры в советских городах, так называемой среды повседневности советского человека. Привыкшим к жизни в сельской местности, а в городах в бараках и полуземлянках, советские люди, наконец, почувствовали стандарты городской жизни. Настоящим счастьем в новых благоустроенных капитальных домах становилось коммунальное обслуживание, расширялась сеть водопроводов и канализации, теплофикация и газификация домов, городской транспорт. И вновь статистика становилась лучшей метафорой развития отрасли. Так, в 1953 г. строительные организации брали обязательство предоставлять населению городов и рабочих поселков в среднем по 1000 квартир в день для семей в 5 – 6 человек [38, с. 10].

Женщинам и женскому быту на страницах официальной периодической печати (даже женских журналов) не было адресовано обещаний радикальных перемен в быту и повседневной жизни (в отличие от риторики первого десятилетия советской власти). Все нововведения, социальные блага и изменения в повседневной жизни, были адресованы рабочему классу. Таковы были особенности государственной политики в СССР в отношении женщин, названной социологами в начале 2000-х гг. этакратическим гендерным порядком [15].

Однако уже в начале 1950-х гг., после XIX съезда КПСС, в контексте советской риторики появляется понятие «женский быт», которое в критическом ключе будет осмыслено историками лишь в конце XX в. [30] «...Обо всех сторонах нашего быта подумала партия, всё предусмотрела в пятилетнем плане. Особая забота проявлена о здоровье народа, о быте женщин...» [18]. Но этот женский быт рассматривался в те годы отнюдь не в контексте эмоционально-чувственного восприятия женщинами своего места в брачных отношениях, городской и производственной повседневности, и даже не в контексте традиционных в тот момент семейных женских домашних обязанностей (готовка, стирка, уборка, беготня по магазинам, воспитание детей и т.д.), а в довольно прозаичном увеличении количества мест в детских яслях (на 20 процентов), в детских садах (на 40 процентов), тривиальном расширении сети больниц, диспансеров, родильных домов, санаториев, домов отдыха [18]. С позиции нынешнего времени такое развитие социальной инфраструктуры советского города опять же воспринимается нами как улучшение быта и повседневности советских рабочих в целом, но не советских женщин в частности.

В этом же ключе воспринимаются и другие вопросы снабжения и удовлетворения спроса. Например, в 1952 г. производство продовольственных товаров было увеличено сверх годового плана 1951 г.: тканей на 24 %, трикотажа на 35 %, мяса и мясных изделий – на 20 %, сахара – на 34 %, мебели – на 44 % [7]. Казалось бы, реальные показатели роста советской пищевой промышленности означали изобилие, но фактически в реалиях советской плановой экономики подобные процессы не сразу отражались в реальной повседневной жизни.

Рост производства тканей и трикотажа должен был изменить важную часть женской городской повседневности – моду. В моде горожанок начала 1950-х гг. были: вечернее платье из легкого светлого шелка, платье из шерстяной ткани, отде-

ланное кожей, с пристегнутой к полочкам лифа кокеткой, платье-костюм из шерстяной ткани с жилеткой из легкого клетчатого шелка, двухшовная юбка с двойным отлетным карманом и др. [23] Но эти платья предлагалось женщинам сшить самостоятельно по приложенным в журнале выкройкам.

В условиях, когда в городах не хватало парикмахерских и салонов красоты, женщинам предлагалось приобрести бигуди, которые помогали сделать модную прическу самостоятельно. Если же хозяйке предстоял поход в театр, торжественный вечер или бал, рекомендовалось подольше сохранить прическу, обрызгав ее лаком, который можно было сделать самостоятельно из 10 граммов канифоли и 100 мл спирта. Для аромата можно было добавить несколько капель крепких духов [2].

Для обеспечения продуктами питания семей в новых городах СССР недалеко от главной площади строились павильоны колхозного рынка, о чем писали в журналах. Например, побывавшая в Ангарске корреспондент «Советской женщины» восторгалась: «...На одной из площадей наша попутчица свернула в высокие ворота с надписью: «Колхозный рынок». И на минуту нам показалось, что мы из Сибири перенеслись на знойный юг. Горы красных помидоров, румяные яблоки, сливы и бесчисленные ведра с ягодами!» [36].

В советских городах именно женщины становились главными посетителями магазинов и других учреждений торговли. В социокультурном пространстве женской повседневности (как было заведено в советских семьях) магазины были основными координатами. Естественным было стремление каждой матери, чтобы ее ребенок был сыт, красиво одет, имел много игрушек, удобных и полезных вещей. В каждом новом городе открывались детские универсальные магазины [27]. Министр торговли РСФСР Д. Павлов в интервью «Советской женщине» отмечал факты того, как «...магазины идут навстречу покупателям...». В городах они открывали выставки товаров, вывешивали рекламные стенды «Сегодня в продаже», организовывали продажу на улицах и площадях, выезжали на заводы. Вводились новые, удобные для населения часы торговли [27, с. 27]. Постановление правительства «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» иллюстрировало тот факт, что промышленность СССР успешно справлялась с планами производства товаров для населения.

На ключевой вопрос, какое влияние оказывала советская торговля на облегчение быта семьи, был дан официальный ответ в соответствии ленинскими идеалами. В частности, общественное питание рассматривалось как один из главных помощников советских женщин. В 1957 г. услугами общественного питания пользовались более 41 миллиона человек. Но советское правительство ставило цель, чтобы эта цифра выросла до 80 миллионов. Для достижения этих показателей открывались новые столовые в домах и на предприятиях, домовые кухни. В них привозили полуфабрикаты различных блюд, готовили завтраки, обеды, ужины. Чтобы быстро накормить семью, хозяйке оставалось только подогреть пищу дома. Так экономились ее «дорогие часы» [27, с. 28].

На вопрос об импортных товарах в отечественных магазинах, министр торговли отмечал, что советская женщина могла купить французские, итальянские ткани и трикотаж, английскую обувь и многое другое из западных стран.

Однако открыто признавался и дефицит товаров. В частности, холодильников, телевизоров, пианино. Но прежде всего не хватало в 1950-е гг. мебели. Сооружение мебельных комбинатов не поспевало за темпами строительства жилых домов. «...Новоселу не хочется везти в новый дом старую мебель. Все стремятся иметь современные гарнитуры, торшеры, люстры последних образцов. В ближайшее время будет произведено мебели на 18 миллиардов рублей...» [27, с. 29].

Жилье как пространство женской повседневности и быта, в периодической печати

В начале 1950-х гг. семьи столичных рабочих уже получали отдельные квартиры (в провинциальных городах относительно массовым этот процесс стал лишь во второй половине 1950-х гг.). Счастливые обладатели заветных квадратных метров становились героями сюжетов всесоюзных газет и журналов. В новый дом на Велозаводской улице въехали рабочие Автозавода им. Сталина (Автозавод ЗИЛ). Одну из квартир заняла семья мастера автобусного цеха Н. И. Хохлова. И хотя о месте работы его супруги не сообщалось (скорее всего, сфера, не связанная с рабочим классом), подчеркивалось, что в деле воспитания детей заняты оба супруга: «Вечером, после работы, Николай Иванович любит поиграть с дочуркой» (фото в гостиной); «Пока Олечка на руках отца, хозяйка дома Тамара Илларионовна готовит ей на кухне кашку» (фото на кухне у плиты) [6].

Во второй половине 1950-х героинями сюжета «Советской женщины» стали пять сестер – работниц сортопрокатного цеха Магнитогорского металлургического комбината: Александра, Мария, Клавдия, Надежда и Анна (с общей девичьей фамилией Худовековы). На примере рассказа об их повседневной жизни было показано, что во многих новых городах СССР (например, в Магнитогорске) женщины имели возможность не заниматься трудоемкой домашней стиркой, сдавая белье в механизированную прачечную [11]. Также жительницы крупных городов (таких, например, как Магнитогорск, Челябинск или Свердловск) имели возможность бывать на просмотрах моделей в ателье: новое платье могли заказать в мастерской или сшить самостоятельно по выбранной модели.

Контраст старого и нового жилья, улучшение быта хозяек, становились прекрасными иллюстрациями на страницах «Советской женщины». «...Была у Кузьминых одна комната, разделенная перегородкой, а получили они отдельную квартиру» [8]. Старая квартира отапливалась дровами, а умываться приходилось у раковины. В новой квартире не нужно было носить и греть воду, имелась газовая плита, центральное отопление и водопровод.

Гендерное равноправие в вопросах работы и быта, подчеркивалось как социальное завоевание, даже в вопросах квартплаты. Так, если бы вся семья москвичей Кузьминых жила на средства ее мужа – шофера Ефима Петровича, то 5,3 процента его заработка уходило бы на оплату квартиры. Но в семье имели доходы все взрослые. Сама Нина Васильевна – медицинская сестра, ее младшая незамужняя сестра Софья – врач, а мать Евдокия Александровна получала пенсию. К общему заработку семьи квартирная плата составляла всего лишь полтора процента [8, с. 10].

В конце 1950-х гг., с наступлением в СССР декларируемой «эры изобилия», на страницах периодики, в репортажах, рассказах, заметках и фельетонах, подчеркивалось дистанцирование женщины от домашних бытовых обязанностей. Примеры того, как советская женщина может оставаться красивой и на работе, и дома, и не стать жертвой домашнего быта. «...Такая быт не поглотит. Да и быт в последнее время заметно облегчается. Семья живет теперь в отдельной квартире в центре поселка. Сошли на нет многие хлопоты, в частности, беготня за продуктами: столько магазинов рядом!» [9].

В идеальной семье на первый план выходит помощь супруга (в хозяйстве, в воспитании детей), старших детей (в уходе за младшими, в домашних обязанностях), которая в той или степени варьируется в зависимости от их пола и возраста. Гораздо большее внимание уделялось человеческим взаимоотношениям: «...кроме хозяйственных дел, у женщины есть еще важная забота (не всегда только окружающие понимают, как много душевных сил она требует!) – это забота об установлении в семье добрых взаимоотношений...» [9, с. 39].

О том, как домохозяйки имели возможность помогать хозяйке в домашних бытовых делах свидетельствуют много рассказов о рабочих семьях на страницах «Советской женщины». Например, семья Третьяковых, рабочих горьковского автомобильного завода. «...Воскресенье, утро... Еще нет девяти часов. Евдокия хлопочет на кухне, готовит завтрак, а девочки – Тамара и Рита – занимаются уборкой. Потом Рита подходит к зеркалу и начинает причесываться...». «...Другие девочки смотрят ежедневно телевизор, ходят в кино в будни, а не только по субботам...» [37, с. 7]. Массовое получение в начале 1960-х гг. городскими рабочими семьями дачных участков «раздвинуло» границы пространства женской повседневности. «Все принимаются за еду – творог, кашу и кофе. За столом взрослые обсуждают садоводческие дела: говорят о прививке яблонь, сортах малины, о том, удастся ли культивировать дикую рябину...» [37, с. 8].

В разговорах заметно уважение семьи к маминой работе. При получении зарплаты, старшая дочь попросила себе лыжи, младшая – новый мяч. Супруг уговаривал жену приобрести стиральную машину, а хозяйка настаивала на том, чтобы отложить деньги на мебель. В конце концов пришли к общему согласию: «нельзя в наше время обойтись без домашней техники» [37, с. 10].

Пассионарность женской повседневности, изменения окружающего пространство, эмоционально-чувственное отношение к окружающим людям, также становилось предметом обсуждения периодической печати. Яркая иллюстрация – продолжение бережного отношения (как к дому) на территории завода, где силами женщин проводилось озеленение, благоустройство, создавались летние и зимние сады, огороды, поддерживалась чистота и уют. «...В цехе, где работает Третьякова все иначе. Здесь много света, цветов, стены и пол выложены белыми кафельными плитами...» [37].

Интерьер квартир как среда женской повседневности

Большое внимание уделялось интерьеру квартир в новых жилых домах. Хозяйкам советовали обратить внимание на убранство окон. На узких стенах делать занавески с таким расчетом, чтобы они захватывали и простенки, а комната казалась шире. На окнах, расположенных по широкой стене, хороши драпировки до пола. В солнечной комнате занавеска может прикрывать часть стекла. Если комната находится на первом этаже, нужны были полузанавески, закрывающие нижнюю часть окна. «...Современная форма мебели требует простого оформления окон, где главным украшением будет сама ткань, падающая свободными, красивыми складками (без старомодных кисточек, тесемок, лент и т. п.), по цвету гармонирующая с мебелью. При однотонных обоях на окна можно повесить ткань в полоску, в клетку или с орнаментом. Важно, чтобы один из основных ее тонов был близок к цвету стен...» [12].

Каждая хозяйка стремилась сделать свою квартиру уютной. В заботе об украшении комнаты, следуя общему политическому курсу на экономичные решения в строительстве, дизайне и других сферах жизни, авторы рубрики «Советы хозяйкам» предостерегали от излишеств в украшениях из тюля, кружев, вышивок. «...Иной раз дорожками, салфеточками накрывают столы, тумбочки, полочки, радиоприемники, электролампы, вешают их на стены, прикрепляют настенным коврам, дверцам шифоньеров, даже к креслам и картинам. Нечего и говорить, что это уродует квартиру...» [20, с. 45].

На двери советовали повесить портьеры из красивой ткани и даже из льняного серого полотна, состоящие из боковин и ламбрекена. Карниз лучше скрыть. Декоративные ткани должны гармонировать с окружающей обстановкой. Для украшения квартиры рекомендовали драпировки спокойных тонов, гладкие или в полоску, в клетку, с геометрическим орнаментом; хороши одноцветные ткани.

Кухня и кулинария в пространстве образцовой женской повседневности

В конце 1950-х гг. в рекламе появилась электрическая вафельница, прозванная детьми «вкусная печка», которую выпустил в продажу завод «Вольта» Министерства электропромышленности. «Блестящую, с черными ручками электровафельницу полюбили и хозяйки...» [10]. В условиях советского дефицита, ценность представляли именно технические приспособления, а не сама женщина, быт которой эти приборы были призваны облегчить. Так о новой вафельнице писали, что именно она (а не хозяйка) за 10 – 15 минут выпекает разнообразные печенья. Чтобы испечь вафли, следовало включить вафельницу в электросеть, смазать формы, залить их тестом и закрыть. Через 3 – 4 минуты вафли готовы, и их можно было свернуть трубочкой и начинить кремом.

Несмотря на проанализированную выше риторику о снабжении советских семей продуктами питания и товарами первой необходимости, рубрики, связанные с советами в домашнем хозяйстве, обнажали проблемы дефицита и другие недостатки плановой экономики СССР, с которыми ежедневно сталкивались хозяйки. Например, рекомендовалось не выбрасывать яичную скорлупу, кофейную гущу, вишневые косточки (они помогали для чистки разной посуды), семечки айвы (для смягчения кожи рук), очистки от кислых фруктов (яблок, груш и других), картофельную шелуху, воду, в которой варился картофель, опитой чай (для растворов при уборке помещений) или луковую шелуху (для приготовления тканевой краски) [35].

Кулинарные рецепты 1950-х гг. на страницах периодики были довольно разнообразны, символизировали изобилия одним своим описанием. В том числе встречались блюда из труднодоступных советской женщине продуктов. Например, в дни проведения Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 г. хозяйкам рекомендовали приготовить интернациональные блюда: курица-фри ароматическая по-китайски, зразы по-польски, тушеное мясо с черносливом по-румынски, мясо с рисом по-сербски, гуляш по-венгерски [25]. К праздничному столу в том же году в рубрике «Кулинария» советским женщинам предлагались рецепты: салат с мясом, заливной судак, осетрина паровая, поросенок жареный, лимонное желе [19].

Однако, по-прежнему в советской прессе подвергался критике факт увлечения женщины приготовлением пищи и другими бытовыми обязанностями, в ущерб времени, которая она могла бы уделить семье, отдыху, коллективу, городу и т.д. В этом примечателен рассказ о семье работницы завода химического машиностроения Елизаветы Реборак из поселка Уктусские Горы (Свердловск), окруженного зелеными лесными массивами. «...Не всегда есть время любоваться этой красотой. В жизнь врывается проза. Тесто подошло в тот самый момент, когда согрелась ванна. Вот-вот пережарится рыба и потеряет ту сочность и аромат, которые придают прелесть этому любимому в уральских семьях блюду...» [9, с. 40].

В ритуале образцовых семейных ужинов 1950 – 1960-х гг. прослеживается также влияние социально-экономического контекста: небольшая кухня хрущевки (в среднем 6 кв. метров) не предполагала наличие здесь обеденного стола. Предполагалось, что хозяйка должна красиво накрыть на стол в главной комнате – зале или гостиной. «Сверкает белизной круглый стол. Ужин накрыт в самое просторной, «парадной» комнате...» [9, с. 41].

Особенно важным семейным праздником в СССР оставался «Новый год». В этот период особенный колорит придавался не столько образу женщины-хозяйки, сколько романтизированному образу женщины-мечтательницы, свойственному ей социальному оптимизму. Ткачиха Краснохолмского комбината А. Н. Сотникова писала: «...Я по обычаю встречаю праздник в кругу семьи. Закончен последний рабочий день 1951-го: муж – у себя, в артели, я – на фабрике, дочь – в конструкторском

бюро, зять – в спортивной секции... Соберемся за праздничным столом, разольем вино в прозрачные, звонкие бокалы, и ровно в полночь поздравим друг друга: - С Новым годом! С Новым счастьем!». «В этих словах не только надежда, но и уверенность: да, оно будет, оно непременно придет к вам в новом году – новое счастье...» [33].

Заключение

Таким образом, женская городская повседневность на страницах периодической печати в СССР в 1950-е гг. становилась идеальной моделью. Эта образцовая повседневная жизнь прослеживается на разных уровнях: город (как образцовая среда повседневности, удовлетворяющая все потребности советского человека и советской женщины); снабжение (которое, хотя и не поспевало за спросом, все же стремилось к олицетворению советского изобилия); жилье (как проблема, которую впервые за всю историю СССР власти смогли постепенно решать, и предоставлять советской женщине пространство для приватности и реализации собственных желаний, вкусов и потребностей); быт (который становился все более простым и непринужденным) и др.

Советская женщина априори брала на себя и рабочие (на заводе, на производстве и т. д.) и семейные обязанности, совмещая сразу несколько социальных ролей. В этом ключе официальный нарратив иллюстрировал равноправное распределение домашних дел между членами семьи (как в многопоколенных, так и в однопоколенных семьях). Муж и дети становились помощниками, но не полноправными хозяевами бытовой сферы дома. Их обязательное участие в домашних делах – залог освобождение времени женщины для собственных дел и поддержание доброжелательного климата в семье. В случаях, если женщине приходилось одной (без мужа) воспитывать детей, обязанности помощника ей в хозяйстве и воспитании (в идеальной модели) брал на себя коллектив.

Социокультурная динамика развития советских городов, сферы услуг, снабжения, способствовали облегчению домашнего труда женщин, могли дать большие возможности в удовлетворении повседневных потребностей домохозяйств. В условиях Холодной войны, противостояния с капиталистическими странами, не только в гонке вооружений, но и в уровне жизни населения, подобные аргументы приобретали яркий политизированный контекст, но в условиях реальной женской повседневности (особенно в нестоличных, провинциальных рабочих городах) подобные статьи и заметки, основанные на существующих историях и событиях, приукрашенные репортажами и редакторами, становились несбыточной мечтой.

Список источников и литературы

1. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. статей. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 25–67.
2. Бигуди // Советская женщина. 1960. № 2. С. 31.
3. Болотова Е. В. «Работницам – боевую подготовку»: милитаризация образа советской женщины в 1930-е гг. (на материале журнала «Работница») // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 230–238.
4. Богдашина И. В. Хозяйственно-бытовые заботы как важная часть повседневной жизни женщины-врача в г. Сталинграде (Волгограде): по сведениям дневниковых записей 1950 – 1960-х гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 2 (14). С. 31–41.
5. Бужкевич М. Урал, Магнитная гора: На правом берегу // Работница. 1957. № 1. С. 4.
6. В гостях у Хохловых // Советская женщина. 1953. № 2. С. 14.
7. В минувшем году... // Советская женщина. 1952. № 1. С. 14.

8. *Ветров А., Ганкин М., Зельма Г.* На окраинах Москвы // Советская женщина. 1957. № 9. С. 8–9.
9. Вечер в рабочей семье // Советская женщина. 1959. № 9. С. 38–39.
10. Вкусная печка // Советская женщина. 1957. № 3. С. 14.
11. *Волк И., Портер Л.* В гостях у Худовековых // Советская женщина. 1957. № 10. С. 22.
12. *Делле В.* Занавески на окнах // Советская женщина. 1957. № 6. С. 46.
13. *Дружинина Г.* Влюбленные в свою профессию // Советская женщина. 1957. № 11. С. 39.
14. Женщины-доктора наук // Советская женщина. 1957. № 2. С. 15.
15. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299–321.
16. *Золтнер О. В., Горностаева Д. С.* Типология наименования женщин в советском производственном дискурсе (на материале журналов «Работница» и «Крестьянка») // The scientific heritage. 2021. № 2. С. 28–35.
17. *Измайлова Р.* Клуб интересных встреч // Советская женщина. 1960. № 9. С. 23–26.
18. Итоги съезда // Советская женщина. 1953. № 1. С. 8.
19. К праздничному столу // Советская женщина. 1957. № 4. С. 47.
20. *Кропивницкий Л.* Хочется посоветовать хозяйкам // Советская женщина. 1957. № 4. С. 45.
21. *Латышева М. С.* Образ советской женщины в журнале «Работница» (1923 – 1937 гг.) // Этнодиалогии. 2020. № 1. С. 95–120.
22. *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН. 2010. 270 с.
23. Моды // Советская женщина. 1952. № 1. С. 62.
24. *Карим Мустай.* Носящий имя революции // Огонёк. 1967. № 45. Ноябрь.
25. Мясные блюда // Советская женщина. 1957. № 5. С. 47.
26. *Ольшанов Н.* Строим для мира // Советская женщина. 1952. № 3. С. 18.
27. *Павлова Л.* 105 000 новых магазинов // Советская женщина. 1960. № 11. С. 26–27.
28. *Пушкарева Н. Л., Битокова Т. В.* Женская городская повседневность второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской и постсоветской историографии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 305–320.
29. *Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В.* Повседневные практики матерей провинциального советского города в 1950 – 60-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 2. С. 42–46.
30. *Рейд С. Е.* Быт – не частное дело: внедрение современного вкуса в семейную жизнь // Семейные узы. Модели для сборки / под ред. С. А. Ушакина. М.: НЛЮ, 2004. С. 360–391;
31. *Савосткина Р.* Бытовая реорганизация советского города в дискурсе журнала «Работница» в первой половине 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 1. С. 34–37.
32. *Смирнова В. Ю.* Конструирование возраста в журнале «Работница» в советское время // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 92–102.
33. *Сотникова А. Н.* Новогодний тост // Советская женщина. 1952. № 1. С. 3.
34. Труд свободный, творческий, равноправный // Советская женщина. 1952. № 20. С. 7.
35. У хорошей хозяйки ничего не пропадает: Девять способов использования отходов пищевых продуктов // Советская женщина. 1957. № 2. С. 42.
36. *Хмельницкая А.* Тайга отступает // Советская женщина. 1957. № 10. 27.
37. *Шаменкова Л.* Семья Третьяковых // Советская женщина. 1960. № 11. С. 7–10.
38. Это будет! // Советская женщина. 1953. № 2. С. 9.

References

1. Belova, AV 2013, 'Zhenskaya povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskiy i metodologicheskiy aspekty' (Women's Everyday as a Subject of the History of Everyday Life), *Rossiyskaya povsednevnost' v zerkale gendernykh otnosheniy* (Russian eve-

- ryday life in the mirror of gender relations), *Novoye literaturnoye obozreniye publ*, Moscow, pp. 25–67. (In Russ.)
2. 'Bigudi' (Curlers) 1960, *Soviet Woman*, no. 2, p. 31. (In Russ.)
 3. Bolotova, EV 2020, '«Rabotnitsam — boevuyu podgotovku»: militarizatsiya obraza sovetskoy zhenshchiny v 1930-e gg. (na materiale zhurnala «Rabotnitsa»)» ('Military training for working women": the militarization of the Soviet woman's image in the 1930s (on the "Rabotnitsa" magazine's material)), *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 230–238. (In Russ.)
 4. Bogdashina, IV 2023, 'Khozyaystvenno-bytovyye zaboty kak vazhnaya chast' povsednevnoy zhizni zhenshchiny-vracha v g. Stalingrade (Volgograd): po svedeniyam dnevnikovyykh zapisey 1950 – 1960-kh gg.' (Household and domestic concerns as an important part of a woman physician's daily life in Stalingrad (Volgograd): according to the diary records of the 1950s and 1960s), *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, no. 2 (14), pp. 31–41. (In Russ.)
 5. Buzhkevich, M 1957, 'Ural, Magnitnaya gora: Na pravom beregu' (Urals, Magnitnaya Gora: On the right bank), *Rabotnitsa* (The Woman Worker), no 1, p. 4. (In Russ.)
 6. 'V gostyakh u Khokhlovykh' (Visiting the Khokhlovs) 1953, *Soviet Woman*, no. 2, p. 14. (In Russ.)
 7. 'V minuvshem godu...' (Last year...) 1952, *Soviet Woman*, no. 1, p. 14. (In Russ.)
 8. Vetrov, A, Gankin, M & Zel'ma, G 1957, 'Na okrainakh Moskvy' (On the outskirts of Moscow), *Soviet Woman*, no. 9, pp. 8–9. (In Russ.)
 9. 'Vecher v rabochey semye' (An evening in a working family) 1959, *Soviet Woman*, no.9, pp. 38–39. (In Russ.)
 10. 'Vkusnaya pechka' (Delicious stove) 1957, *Soviet Woman*, no. 3, p. 14. (In Russ.)
 11. Volk, I & Porter, L 1957, 'V gostyakh u Khudovekovyykh' (Visiting the Khudovekovs), *Soviet Woman*, no. 10, p. 22. (In Russ.)
 12. Delle, V 1957, 'Zanaveski na oknakh' (Curtains on the windows), *Soviet Woman*, no. 6, p. 46. (In Russ.)
 13. Druzhinina, G 1957, 'Vlyublennyye v svoyu professiyu' (Those in love with their profession), *Soviet Woman*, no.11, p. 39. (In Russ.)
 14. 'Zhenshchiny-doktora nauk' (Female Doctors of Science) 1957, *Soviet Woman*, no. 2, p. 15. (In Russ.)
 15. Zdravomysova, EA & Tyomkina, AA 2003, 'Gosudarstvennoye konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve' (The public construction of gender in soviet society), *The journal of social policy studies*, vol. 1, no.3/4, pp. 299–321. (In Russ.)
 16. Zoltner, OV & Gornostayeva, DS 2021, 'Tipologiya naimenovaniya zhenshchin v sovetskom proizvodstvennom diskurse (na materiale zhurnalov «Rabotnitsa» i «Krestyanka»)» (Typology of the names of women in the Soviet industrial discourse (based on the material of the magazines "Rabotnitsa" and "Krestyanka")), *The scientific heritage*, no. 2, pp. 28–35. (In Russ.)
 17. Izmaylova, R 1960, 'Klub interesnykh vstrech' (Club of interesting meetings), *Soviet Woman*, no. 9, pp. 23–26. (In Russ.)
 18. 'Itogi syezda' (Results of the meeting) 1953, *Soviet Woman*, no.1, p. 8. (In Russ.)
 19. 'K prazdnichnomu stolu' (To the festive table) 1957, *Soviet Woman*, no.4, p. 47. (In Russ.)
 20. Kropivnitskiy, L 1957, 'Khochetsya posovetovat' khozyaykam' (I would like to advise housewives), *Soviet Woman*, no. 4, p. 45. (In Russ.)
 21. Latysheva, MS 2020, 'Obraz sovetskoy zhenshchiny v zhurnale «Rabotnitsa» (1923 – 1937 gg.) (The image of a Soviet woman in the "Worker" magazine (1923-1937))', *Etnodialogi*, no. 1, pp. 95–120. (In Russ.)
 22. Lüdtke, A 2010, *Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novyye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* (The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life), trans. K. A. Levinson, ed. S. V. Zhuravlev, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
 23. 'Mody' (Fashion) 1952, *Soviet Woman*, no. 1, p. 62. (In Russ.)

24. 'Karim Mustay. Nosyashchiy imya revolyutsii' (Karim Mustai. Bearing the name of the revolution) 1967, *Ogonyok*, no. 45 (November). (In Russ.)
25. 'Myasnye blyuda' (Meat dishes) 1957, *Soviet Woman*, no.5, p. 47. (In Russ.)
26. Olshanov, N 1952, 'Stroim dlya mira' (Building for the world), *Soviet Woman*, no.3, p. 18. (In Russ.)
27. Pavlova, L 1960, '105 000 novykh magazinov' (105,000 new stores), *Soviet Woman*, no. 11, pp. 26–27. (In Russ.)
28. Pushkareva, NL & Bitokova, TV 2021, 'Zhenskaya gorodskaya povsednevnost' vtoroy poloviny 1950-kh – nachala 1960-kh gg. v sovetskoy i postsovetskoy istoriografii' (The daily lives of urban women during the Khrushchev thaw in Soviet and post-Soviet scholarship), *RUDN Journal of Russian History*, vol. 20, no. 2, pp. 305–320. (In Russ.)
29. Pushkaryova, NL & Bogdashina, IV 2020, Povsednevnyye praktiki materey provintsialnogo sovetskogo goroda v 1950-60-e gg. (Everyday practice of mothers in a provincial Soviet city in the 1950-60s), *Vestnik of Kostroma State university*, no. 2, pp. 42–46. (In Russ.)
30. Reyd, SE 2004, Byt – ne chastnoye delo: vnedreniye sovremennogo vkusa v semeynuyu zhizn' (Domesticity is not a private matter: introducing modern taste into family life), *Semeynyye uzy. Modeli dlya sborki (Family Ties. Models for assembly)*, ed. S.A. Ushakin, NLO publ, Moscow, pp. 360–391. (In Russ.)
31. Savostkina, R 2019, 'Bytovaya reorganizatsiya sovetskogo goroda v diskurse zhurnala «Rabotnitsa» v pervoy polovine 1930-kh gg.' (Household reorganization of the Soviet city in the discourse of the magazine "Rabotnitsa" in the first half of the 1930s), *RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"*, no 1, pp. 34–37. (In Russ.)
32. Smirnova, VYu 2016, 'Konstruirovaniye vozrasta v zhurnale «Rabotnitsa» v sovetskoye vremya' (Construction of age in the magazine "Rabotnitsa" during the Soviet time), *Journal «Woman in Russian Society»*, no. 1, pp. 92–102. (In Russ.)
33. Sotnikova, AN 1952, 'Novogodniy tost' (New Year's toast), *Soviet Woman*, no. 1, p. 3. (In Russ.)
34. 'Trud svobodnyy, tvorcheskiy, ravnopravnyy' (Free, creative, and equal labor) 1952, *Soviet Woman*, no. 20, p. 7. (In Russ.)
35. 'U khoroshey khozyayki nichego ne propadayet: Devyat' sposobov ispol'zovaniya otkhodov pishchevykh produktov' (A good housewife never wastes anything: 9 ways to use food waste) 1957, *Soviet Woman*, no. 2, p. 42. (In Russ.)
36. Khmel'nitskaya, A 1957, 'Tayga otstupaet' (Taiga retreats), *Soviet Woman*, no. 10, p. 27. (In Russ.)
37. Shamenkova, L 1960, 'Semya Tretyakovykh' (Tretyakov family), *Soviet Woman*, no. 11, pp. 7–10. (In Russ.)
38. 'Eto budet!' (It will be!) 1953, *Soviet Woman*, no. 2, p. 9. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.11.2023
Одобрена после рецензирования: 06.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 23.11.2023
Approved after reviewing: 06.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024